

ЗЕМЛЯ ДЛЯ ВСЕХ

Зеркало Мира

Зеркало Мира
Земля для всех

«Автор»

2026

Мира 3.

Земля для всех / 3. Мира — «Автор», 2026

Книга в процессе редактуры. Четверо близких друзей уезжают из города в деревенский дом, чтобы переждать тревожное время. Но история этого дома продолжится на двести лет вперёд — через катастрофы, технологии и другой выбор человечества.

© Мира 3., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Зеркало Мира

Земля для всех

Глава 1

Дорогой читатель! Приглашаю вас прочитать мою новую книгу «Земля для всех» - в жанре фантастики и альтернативной истории, которую пишу под псевдонимом «Зеркало Мира»

Эта история начинается в сентябре 2026 года - в настоящем, которое мы ещё не успели назвать прошлым, - и продолжается больше двухсот лет.

Я не знаю, каким будет будущее. Не думаю, что это знает кто-нибудь. Поэтому перед вами не прогноз и не попытка угадать, что произойдёт через десять, пятьдесят или двести лет.

Мне было интересно другое.

Что произойдёт с человеком, если одно за другим начнут исчезать ограничения, которые тысячелетиями казались естественными?

Что изменится, если энергия перестанет быть дефицитом, работа - условием выживания, язык - преградой между людьми, тяжёлая болезнь - почти неизбежной угрозой, а старость - обязательным завершением человеческой жизни?

Станем ли мы свободнее? Будем ли лучше понимать друг друга? Что мы станем делать со временем, когда оно наконец перестанет принадлежать только необходимости?

АННОТАЦИЯ

Сентябрь 2026 года. Война продолжается. Привычная жизнь ещё держится, но становится всё менее надёжной: дороги могут закрыться, электричество - исчезнуть, топливо - закончиться, а планы, даже на следующий месяц, теряют смысл. Несколько близких друзей уезжают из города в старый деревенский дом, рассчитывая переждать тревожное время и понять, что будет дальше.

Осенью 2035 года происходит ядерный удар на Ближнем Востоке. А через несколько дней в мировых сетях из ниоткуда появляются три пакета технической документации: новый источник энергии, получение воды из воздуха почти без затрат энергии, агротехнологии, намного опережающие своё время. Ни автора, ни организации, ни объяснения происхождения. Чертежи проверяют. Технологии работают.

Человечество переосмысливает само понятие денег. Впервые за тысячелетия человеку больше не нужно работать для того, чтобы выжить. Появляются медицинские кровати, возвращающие телу молодость. Репликаторы создают почти любую обычную вещь за считанные минуты. Универсальный переводчик, созданный для человеческих языков, учится распознавать сигналы других видов - собак, лошадей, ворон, дельфинов, китов. А затем осмысленный отклик возникает одновременно в независимых атмосферных, океанических, лесных и почвенных системах планеты. С ним начинают разговаривать. Человечество даёт этому сознанию имя - Гайя.

Больше двух столетий проходят перед читателем вместе с несколькими поколениями одной семьи - от сентября 2026 года, времени войны, дефицита и привычного человеческого одиночества, до цивилизации изобилия, долгой молодости, межвидового общения и живой планеты.

Ничто не возникает сразу. Каждое невозможное сначала кажется ошибкой. Потом становится открытием. Потом - технологией. А однажды - привычной жизнью. **Часть I. Дом**

Глава 1. Возвращение

Денис долго не мог решиться уезжать. В Москве у него оставалась квартира, работа, несколько встреч, которые он переносил уже который раз, и привычка считать любое отступление временным. За двое суток отменились два поезда, на выезде из города выросли очереди, а знакомый написал короткое: «Если есть куда уехать — уезжай сейчас. Потом может быть сложнее». Денис перечитал сообщение трижды и разозлился оттого, что совет был разумным.

Вечером он долго ходил по квартире, складывая вещи в старую дорожную сумку. Документы. Зарядки. Нож. Аптечка. Две футболки. Ноутбук. Всё остальное оказалось предметами из жизни, которую он раньше считал гарантированной. На кухонном столе осталась чашка, в холодильнике — половина сыра, на подоконнике — растение, которое он всё собирался пересадить. Перед выходом Денис остановился в дверях и поймал себя на нелепой мысли: если он сейчас закроет квартиру, то возможно никогда не вернётся.

И это заставило его наконец повернуть ключ.

В поезде он не смог заснуть. Люди говорили вполголоса, сравнивали маршруты, показывали друг другу скриншоты закрытых дорог и спорили, какие новости настоящие. У женщины через проход на коленях дремал мальчик лет пяти. На каждой большой станции она просыпалась раньше него и первым делом смотрела в окно, словно проверяла, существует ли ещё место, куда они едут.

Денис впервые подумал о доме бабы Маши не как о прошлом. Как о точке на карте, где есть колодец, печь, погреб и люди, которым можно позвонить без объяснений.

Он написал в старый общий чат, которым никто не пользовался годами: «Я еду в деревню».

Таня ответила через минуту: «Я уже здесь».

Катя — через пять: «Буду утром».

Маргарита поставила один знак плюс.

Этого оказалось достаточно.

Поезд опоздал на девятнадцать минут. Десять лет назад Денис обязательно посмотрел бы на часы и раздражённо подумал, что мир катится к черту. Теперь он только усмехнулся. За эти годы он понял простую вещь: мир постоянно куда-то катится, но поезда всё равно приходят, люди всё равно встречаются, а воспоминания всегда приезжают раньше тебя.

Вокзал ничуть не изменился. Только людей стало меньше. На площади перед станцией пропала половина вывесок. К заправке через дорогу растянулась длинная очередь машин. Спорили о том, сколько литров отпускают в одни руки. Двое мужчин молча курили возле ещё советских времён автобуса, не глядя друг на друга.

Денис поставил сумку на землю и с наслаждением вдохнул знакомый воздух. Пахло пылью, нагретыми шпалами и яблоками. Он осознал, что именно этот запах вспоминал все последние годы.

Деревня встретила его непривычной тишиной. Не той летней, когда слышны кузнечики, далёкие собаки и чей-нибудь радиоприёмник за открытым окном. Люди старались говорить тише. Тревожные новости тяжёлым облаком заглушали обычную суету.

Дом бабы Маши почти не изменился: те же покосившиеся ворота, та же старая яблоня, только ветви стали тяжелее, и крыша заметно просела. Самой бабы Маши давно уже не было. После неё дом так и остался стоять — сначала как память, потом как место, куда никто из них не решался окончательно закрыть себе дорогу.

Когда-то Денис, Таня, Маргарита и Катя проводили здесь почти каждое лето. Потом выросли, разъехались и научились жить так, будто этот дом принадлежал другой жизни.

Теперь тяжёлое время привело их обратно. Дороги закрывались, города становились всё менее надёжными, будущее сжималось до нескольких ближайших дней — и каждый в какой-то момент вспомнил об одном и том же месте, где когда-то было безмятежно и счастливо.

Он толкнул калитку. Она, как и десять лет назад, скрипнула жалобно.

— Всё-таки живая... — тихо сказал он сам себе.

— А куда ей деваться? — голос раздался за спиной.

Денис вздрогнул. Таня.

Он узнал её сразу — прежде всего по голосу. За десять лет голос стал ниже, спокойнее, глубже. Таня стояла в нескольких шагах, без косметики, в простой светлой рубашке. Волосы были короче, чем тогда. Глаза почти не изменились.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Привет.

— Привет.

И снова тишина. Та самая, которую невозможно заполнить словами.

— Ты совсем не изменился, — сказала Таня.

— Врёшь.

Она усмехнулась и покачала головой.

— Конечно, изменился. Но я сразу тебя узнала.

Денис рассмеялся. Впервые за много месяцев.

— Остальные уже приехали?

— Маргарита вчера. Катя сегодня утром. Ждут нас.

— Где?

— Там, — сказала Таня и кивнула вверх, где за крышей старого дома виднелось маленькое чердачное окно.

— Где же ещё. На чердаке.

Денис поднял взгляд. Пыльное окно светилося закатным солнцем. Казалось, за эти годы там никто не открывал ставни. Накрыло ощущением, что стоит подняться по скрипучей лестнице — и время снова перестанет идти по прямой.

Оба рассмеялись. Смех вышел неловкий.

— Пойдём?

— Пойдём, — ответил Денис, и они пошли рядом, не торопясь, будто боялись спугнуть этот момент.

Внутри пахло деревом и чем-то ещё — воспоминаниями, которые не выветриваются.

Катя уже сидела там, поджав ноги. Она подняла голову, улыбнулась.

— Ну наконец-то! — сказала она.

— Я думала, вы так и не соберётесь.

Маргарита сидела у окна молча. Но в её глазах читалось всё сразу: и радость, и осторожность, и какой-то тихий вопрос, который никто пока не решался озвучить.

— Мы все тут, — тихо сказал Денис.

Солнечные полосы лежали на полу чердака. Такие же полосы света когда-то падали на их детские плечи, и тогда казалось, что лето бесконечно, а мир умещается в одном дворе.

— Помнишь, как ты прятал здесь стекляшки, — сказала Катя, глядя в пол, как будто те самые разноцветные осколки могли снова блеснуть.

— Помню, — усмехнулся Денис.

— Ты ещё тогда сказала, что это сокровища.

Таня прислонилась к стене.

— И что? Сокровища не исчезли, — сказала она с той самой кривой улыбкой.

Просто теперь они другие.

Пыль в лучах казалась живой, словно память, которая никогда не спит. От этого становилось не по себе: разговор явно не ограничится детством. Рано или поздно придётся коснуться того, что болело уже по-взрослому.

На полу у стены сохранилась низкая деревянная коробка. Катя подцепила крышку ногтем, подняла её и чихнула от пыли.

— О, археология.

Внутри лежали пуговицы, несколько выцветших фантиков, обломок карандаша, две стекляшки и школьная тетрадь без обложки.

— Вот! — Катя подняла зелёный кусочек стекла. — Это и было главное сокровище.

— Главное было синее, — сказал Денис.

— Зелёное.

— Синее.

Таня забрала осколок, посмотрела на свет.

— Вообще-то главное было зеркальное.

Маргарита фыркнула.

— Вы все врёте. Главное сокровище Денис потерял через два дня и потом обвинял нас. Денис повернулся к ней.

— Я никого не обвинял.

Три женщины одновременно посмотрели на него.

— Хорошо, — сказал он. — Возможно, обвинял.

Они рассмеялись, но смех быстро стих. У каждого было своё прошлое, и у каждого своё.

Катя раскрыла тетрадь. На первой странице детским почерком было написано четыре имени, а ниже — правило: «Никого не бросать».

— Господи, — сказала Таня. — Мы были очень пафосные дети.

— По-моему, прекрасное правило, — возразила Катя.

Маргарита провела пальцем по выцветшим буквам.

— Интересно, кто первый его нарушил.

Никто не ответил сразу.

Денис сел на старую тахту.

— Наверное, все.

— Удобно, — сказала Таня. — Коллективная ответственность.

— А что, ты хочешь назначить виноватого?

— Нет.

Она помолчала.

— Я хочу понять, почему мы десять лет могли не видеть друг друга и всё равно приехали сюда почти одновременно.

Катя закрыла тетрадь.

— Потому что страшно.

Маргарита покачала головой.

— Не только.

— А почему ещё?

— Когда всё становится ненадёжным, человек вспоминает не самое удобное место. Самое настоящее.

Таня усмехнулась:

— Смотри-ка. А я думала, это Денис у нас отвечает за философию.

— Я отвечаю за занудство, — сказал Денис.

— Это правда.

Пауза снова стала мягче.

— Ладно, — сказала Катя. — Тогда без отчёта за десять лет. Один вопрос каждому.

— Какой?

Она подумала.

— Что вы больше всего не хотите сейчас потерять?

— Отличное начало лёгкого вечера, — пробормотала Таня.

— Возможность самой решать, что делать дальше, — **ответила** Маргарита

Катя посмотрела на неё внимательнее, будто услышала больше, чем было сказано.

— Я не хочу снова оказаться где-то, где никому не нужна, — сказала она после паузы.

Таня долго крутила в пальцах зелёную стекляшку.

— Я не хочу ещё раз обнаружить, что живу жизнь, которую выбрала не я.

Остался Денис.

Он хотел отшутиться. Потом посмотрел на детское «Никого не бросать».

— Не хочу быть беспомощным.

Таня сразу подняла глаза.

— Вот это на тебя похоже.

— Я старался.

Катя убрала тетрадь обратно в коробку, но уже не закрыла крышку.

— Значит, на сегодня хватит честности.

— На неделю вперёд, — сказала Таня.

Когда они вышли на крыльцо, воздух был густой, пах мокрой травой и далёким дымком. Солнце уже коснулось вершушек яблонь, и после чердака всем стало тесно в собственных мыслях.

Таня постояла секунду, будто прислушиваясь не к дороге, а к себе.

— Пойдём к реке.

Никто не спросил зачем. Катя первой сошла с крыльца, Маргарита сунула руки в карманы, Денис прикрыл за собой калитку.

К реке шли старой дорогой. Она стала уже: кусты подступили к колее, у забора Петровых выросла новая рябина, а низкое место перед поворотом всё так же собирало воду. **Катя привычно** обошла лужу справа и только потом рассмеялась.

— Ноги помнят лучше головы.

— Это тревожный диагноз, — сказала Маргарита.

— Для нашего возраста — нормальный.

Таня шла впереди, задевая носком сухие листья. Денис смотрел на знакомую дорогу и отчаянно не пытался сравнивать её с той, прежней. Изменилось слишком многое. Но поворот к воде был на месте.

У мостков они не заговорили сразу. Катя села первой и свесила ноги. Маргарита устроилась рядом, осторожно проверив старую доску ладонью. Таня осталась стоять у края, а Денис смотрел на тёмную воду, в которой уже не отражалось небо.

Несколько минут было слышно только плеск у свай и редкий звук машины далеко за деревней.

— Вы замечали, — сказала Маргарита, — что мы весь вечер разговариваем так, будто должны немедленно решить, зачем приехали?

Катя повернулась к ней.

— А разве не должны?

— Вот именно. Я не знаю.

Таня усмехнулась.

— Кажется, «не знаю» сегодня побеждает.

Денис сел на край мостков.

— Тогда хотя бы без новых великих клятв.

Таня посмотрела на него.

— А помните старую?

Катя тихо сказала:

— «Никогда не разведемся».

Маргарита фыркнула, но без веселья.

— Отлично сработало.

— Клятвы недолговечные конструкции, — сказал Денис.

— Особенно твои конструкции, — отозвалась Таня.

Он хотел ответить, но передумал. В детстве им казалось, что близость можно защитить обещанием. Потом каждый жил свою жизнь — и никто никого формально не бросал, но на десять лет всё равно исчезли.

Катя провела ладонью по доске.

— А что тогда можно обещать?

Маргарита покачала головой.

— Может, ничего.

Таня наконец села рядом с Денисом.

— Значит, будем учиться заново.

На этот раз никто не стал объяснять, что она имела в виду. Они ещё немного посидели над водой. Катя сняла босоножку и коснулась носком реки, сразу отёрнула ногу.

— Холодная.

— Сенсация, — сказала Маргарита. — Вода вечером холоднее воздуха.

Катя плеснула в её сторону. Не попала. Все засмеялись — коротко, уже без той тяжести, с которой вышли из дома.

Когда солнце ушло за лес, стало прохладнее. Маргарита первой поднялась.

— Пойдём. Я не собираюсь в первый же день простудиться ради символизма.

Обратно шли медленнее. Теперь молчание не давило. Катя с Маргаритой спорили, какого цвета была потерянная стекляшка, Таня несколько раз оказывалась рядом с Денисом и снова уходила вперёд. Никто не пытался зацепиться за этот вечер словами.

За поворотом показалась крыша дома. В одном из окон беснул последний тёплый свет.

У калитки Таня подняла голову к чердачному окну.

— Ещё посидим?

— Конечно, — сказала Катя.

И они снова вошли в дом.

Глава 2

Глава 2. Чердак

Первым заговорил Денис.

— Знаете, что самое странное? — сказал Денис, когда они снова поднялись на чердак.

— Я почему-то думал, что он будет меньше.

— Чердак? — спросила Маргарита.

— Всё. Дом. Дорога. Речка. Вы.

Таня повернулась к нему.

— Ну спасибо.

— Я не в этом смысле.

— А я именно в этом.

Она улыбнулась, и Денис поймал себя на том, что смотрит на неё слишком пристально.

Десять лет — это довольно много, чтобы человек изменился, но совершенно недостаточно, чтобы забыть некоторые движения. Таня по-прежнему чуть откидывала голову, когда собиралась сказать что-нибудь колкое. Всё так же щурила левый глаз, если солнце било сбоку. И ещё сохранила бессознательную привычку поправлять одежду на плече, когда чувствовала на себе его взгляд.

Теперь на ней была простая тонкая футболка, и мягкий вечерний свет очерчивал под тканью линии взрослого тела. Денис заметил это — мгновенно, без всякого решения со своей стороны, — и одновременно заметил, что Таня заметила его взгляд.

Она ничего не поправила.

Только посмотрела ему прямо в глаза.

На какую-то секунду между ними возникло старое, почти забытое ощущение: не действие, даже не намерение, а знание. Когда два человека точно понимают, что происходит между ними, и потому могут ничего не объяснять.

— Вот теперь ты действительно вернулся, — тихо сказала она.

— Почему?

— Ещё недавно ты смотрел на меня как на исторический памятник.

Катя рассмеялась.

— Таня, десять лет прошло, а ты всё такая же.

— Нет, — сказала Таня. — Я гораздо хуже.

— Это радует, — сказал Денис.

— Тебя всегда радовали сомнительные вещи.

Снаружи что-то прогрохотало. Звук пришёл издалека — короткий, тяжёлый, раскатившийся над полями. Они одновременно замолчали. Маргарита первой достала телефон.

— Опять?

Связь на чердаке ловила плохо. Она повернула экран к окну.

— В районе объявили беспилотную опасность.

РАЙОННАЯ СИСТЕМА ОПОВЕЩЕНИЯ

В районе объявлена беспилотная опасность. Жителям рекомендовано сохранять осторожность и следить за официальными сообщениями.

Телефон Маргариты завибрировал ещё раз. На этот раз сообщение из деревенского чата. «Над восточным полем слышно. С чердаков и от окон уйдите».

Все четверо одновременно посмотрели на маленькое окно.

Денис уже хотел сказать, что между «слышно» и реальной опасностью огромная разница, когда снаружи пришёл новый звук. Не взрыв. Тонкое, неприятное жужжание, которое несколько секунд невозможно было привязать ни к одной знакомой вещи.

Таня первой встала с балки.

Таня шагнула к Денису и на секунду взяла его за руку. Сжала пальцы, будто проверяя, что он рядом.

— Вниз.

Как ветром их сдуло с чердака. В доме не было настоящего укрытия. Крошечный погреб не в счёт. Денис машинально осмотрел окна, несущие стены, коридор между кухней и кладовой. Маргарита уже искала в телефоне рекомендации. Катя стояла с подушкой, и только потом заметила, что сжимает её в руках.

— Прекрасно. Если что, я защищу нас подушкой.

— Лучше голову, — сказал Денис.

— Спасибо, капитан.

Они уселись на полу в узком проходе. Четыре взрослых человека, приехавшие поговорить о прошлом, напряженно вслушивались в звуки сверху. Жужжание исчезло. Через минуту далеко бахнуло. Потом ещё раз. Стёкла не дрогнули.

Денис почувствовал знакомое желание начать объяснять расстояния, вероятность, устройство ПВО — всё, что превращало страх в систему. И еле сдержал все эти ненужные слова.

Катя придвинулась ближе к стене.

— Ненавижу, что к этому можно привыкнуть.

Таня посмотрела на неё.

— Не привыкай.

— А как?

— Не знаю.

И это «не знаю» прозвучало честнее любых инструкций.

— Насколько далеко? — спросила Катя.

— Непонятно.

Прошло несколько напряженных минут. Жужжание не повторилось. Маргарита обновила официальную ленту, потом соседский чат.

— Пишут, что ушло дальше. Отбоя пока нет, но над нами тихо.

Они ещё посидели в коридоре. Катя наконец положила подушку на пол.

— Я считаю, свою часть обороны я выполнила.

Таня поднялась первой.

— Пойдём наверх. Если снова зажужжит — спустимся ещё раз.

На чердак поднимались уже медленнее. Опасность никуда не исчезла, но снова стала чем-то далеко за стенами дома, а не прямо над головой.

Денис подошёл к маленькому чердачному окну. За ним лежала совершенно мирная картина: крыши, сады, огороды, полоска леса, вечернее небо, в котором медленно растворялись последние лучи.

Эта нормальность делала всё происходящее особенно страшным.

Двадцать лет назад они боялись совершенно других вещей. Что позовут домой. Что кто-нибудь пожалуется взрослым. Что игра закончится раньше времени. Что внезапно выяснится: ты трус, ты слабый, ты кому-то не нравишься.

Теперь по небу летали аппараты, которых тогда не существовало даже в их воображении.

— Привыкли? — спросил Денис.

Маргарита пожала плечами.

— А куда деваться?

— Слоган нашего времени, — сказала Катя. — «А куда деваться».

Таня сидела на старой деревянной балке, поджав ногу.

— К хорошему привыкают быстро. К плохому, оказывается, ещё быстрее.

— Это защитный механизм, — сказал Денис.

— Вот только не начинай.

— Что?

— Объяснять нам жизнь.

Он посмотрел на неё и рассмеялся.

— Хорошо.

— Ты когда-нибудь научишься жить, а не анализировать, почему ты живёшь?

— Нет.

— Я так и думала.

На чердаке сгущалась темнота. Маргарита включила старую лампу, висевшую на проводе. Она загорелась не сразу, сначала несколько раз мигнула, затем очертила пространство жёлтым кругом.

И вместе с этим светом чердак стал почти таким, каким был тогда. Старая тахта у стены. Коробка со старыми журналами. Гвоздь в балке. Щель между досками, через которую можно было смотреть вниз.

Даже обломок деревянной сабли валялся в углу. Катя первой его увидела.

— Не может быть.

Она подняла саблю.

— Это она?

Денис взял её в руки.

Дерево рассохлось, рукоять была обмотана почти истлевшей синей изоляцией.

— Кажется, моя.

— Нет, — сказала Таня. — Твою мы сломали.

— Кто «мы»?

— История.

— История много чего сломала.

— Особенно тебе голову.

Таня забрала саблю и резко приставила её конец к его груди.

— Сдавайся.

Денис посмотрел сначала на саблю, потом на неё.

— Ни за что.

— Ошибка.

— Почему?

Она приблизилась ещё на полшага.

— Теперь у меня десять лет дополнительного опыта.

— У меня тоже.

— У тебя десять лет дополнительной самоуверенности. Это другое.

Катя снова рассмеялась, а Маргарита сказала:

— Только дом не разнесите. Он пережил слишком многое.

За окном опять послышался далёкий грохот.

На этот раз никто не посмотрел в телефон.

Несколько минут спустя снаружи снова глухо бухнуло. Маргарита посмотрела на деревянную саблю в руках Тани, потом на часы.

— Пять минут назад мы дрались деревянной саблей.

— Можем продолжить, — сказала Таня.

Засмеялись каким то нервным смехом.

Через двадцать минут районная лента дала отбой. Разговор перешёл на бензин.

— На нижней заправке сегодня опять ограничение, — сказала Катя. — По двадцать литров.

— Вчера было тридцать.

— Значит, жизнь налаживается.

— Или наоборот.

— У меня половина бака, — сказала Маргарита. — Я теперь считаю его почти стратегическим резервом.

— А помните, — сказал Денис, — когда мы вообще не думали о бензине?

Таня посмотрела на него.

— Конечно. У тебя был велосипед.

Он рассмеялся.

Слово оказалось точным ключом.

Велосипед.

Старый, тяжёлый, совершенно неубиваемый. Тогда расстояния измерялись не километрами и не литрами топлива. Они измерялись временем. Сколько идти до речки. Сколько ехать до магазина. Успеешь ли вернуться до темноты.

Теперь у каждого была машина, телефоны знали маршрут до сантиметра, спутники видели дороги сверху. Но мир стал не ближе, а гораздо сложнее.

— Велосипед ещё жив, — сказала Таня.

— Что?

— В сарае.

— Не может быть.

— Может. Баба Маша ничего не выбрасывала.

— Пойдём.

— Сейчас?

— Конечно.

— После тревоги ты хочешь лезть в сарай?

— Отбой уже дали.

Они спустились.

В сарае пахло старым железом, землёй и машинным маслом. В глубине, за какими-то досками и ржавым ведром, действительно стоял велосипед.

Денис вытащил его наружу.

— Господи.

На раме едва читалось знакомое название. Шины давно спустили. Цепь покрылась рыжим налётом. Руль был немного перекошен. Но это был он. Денис провёл ладонью по раме. Тогда Таня подошла к нему сзади.

— Ну что, — сказала она, — теперь совсем накрыло?

Он обернулся. Она стояла очень близко. Не та девочка из памяти. Взрослая женщина. Сейчас различие между памятью и реальностью стало особенно очевидным.

Денис видел её лицо, мелкие линии возле глаз, появившиеся от солнца и смеха, видел тонкую цепочку на шее, тень от подбородка. Его взгляд на мгновение опустился ниже, задержался на силуэте под футболкой — и снова вернулся к глазам.

Таня усмехнулась.

— Всё-таки некоторые вещи не меняются.

— Некоторые становятся лучше.

— Осторожнее.

— С чем?

— С честностью. Ты за десять лет мог отвыкнуть.

— Не отвык.

Она посмотрела на него ещё секунду, затем легко толкнула плечом.

— Тащи велосипед. Посмотрим, способен ли ты хотя бы колесо накачать.

К реке они пошли уже почти ночью.

После душного чердака и тревоги никому не хотелось расходиться по комнатам. Катя сказала, что ей нужен воздух. Таня сразу предложила воду, и спорить никто не стал.

Телефоны несколько раз присылали уведомления. Где-то далеко работала ПВО. В соседнем районе пропал свет. В сельском чате кто-то писал про очередную закрытую заправку, кто-то ругался из-за цен, кто-то выкладывал фотографию неизвестного огонька в небе.

А они шли к реке.

Четверо взрослых людей с телефонами, кредитами, работами, пережитыми отношениями, смертью знакомых, переездами, страхами и опытом, который невозможно уместить в несколько предложений.

Но дорога знала их другими.

Она помнила четыре лёгкие фигуры, которые когда-то бегали здесь босиком.

Луна вышла из-за деревьев.

Вода была чёрной.

— Купаться? — спросила Катя.

— Ты сумасшедшая, — сказала Маргарита.

— Абсолютно.

— Вода холодная.

Катя сняла обувь.

— Именно поэтому.

Таня посмотрела на Дениса.

— Ну?

— Что «ну»?

— Трансформация произошла? Или московский мальчик всё ещё боится холодной воды?

— Я никогда её не боялся.

— Конечно.

Она первой пошла к воде.

Денис смотрел ей вслед — не пытаясь делать вид, что не смотрит.

В движениях Тани была та спокойная свобода, которую некоторые приобретают после тридцати: когда тело уже не является ни декларацией, ни обещанием, ни поводом кому-то что-то доказывать. Оно просто принадлежит тебе.

Они зашли в реку.

Вода была ледяной.

— Твою мать! — выдохнула Маргарита.

— Вот! — радостно сказала Катя. — Вот теперь я понимаю, что живая.

— Для этого существуют менее идиотские способы.

— Назови хоть один.

Таня взвизгнула и плеснула водой Денису в лицо. Он ответил. Через секунду всё превратилось в совершенно нелепую битву взрослых людей, которые забыли, сколько им лет. Они хохотали так громко, что где-то на другом берегу залаяла собака.

А потом всё стихло. Денис отплыл немного дальше. Лёг на спину. Над ним было огромное ночное небо. Он слышал плеск воды, голоса женщин, стрёкот насекомых, далёкий гул неизвестно чего. И впервые за очень долгое время почувствовал странное отсутствие необходимости куда-либо двигаться.

Это было не счастье, не ностальгия и не покой. Что-то проще. Присутствие. Таня подплыла почти бесшумно.

— Эй.

— Я здесь.

— Ты куда исчез?

— Никуда.
— Редкое состояние для тебя.
Она тоже легла на спину рядом.
Несколько секунд они смотрели вверх.
— Странный мир получился, — сказала Таня.
— Какой?
— Наш.
— А какой должен был?
— Не знаю. В детстве я думала, что к этому возрасту всё будет уже понятно.
— А оказалось?
— Оказалось, что становится только интереснее.
Он повернул голову к ней.
— Это хорошее слово.
— Какое?
— Интереснее.

Таня тоже повернулась. Их лица оказались близко. Слишком близко для случайности. И достаточно далеко, чтобы ничего не произошло.

Денис почувствовал тот самый древний электрический импульс, который человеческое тело узнаёт раньше сознания: дыхание меняется едва заметно, внимание сужается, весь огромный мир сокращается до расстояния между двумя людьми.

Таня смотрела спокойно. Не отводила глаз.

— Денисик.
— Что?
— Не придумывай сейчас ничего умного.
— Даже не собирался.
— Вот и хорошо.

И первой отплыла в сторону.

Он остался лежать на воде и улыбался.

Обратно шли гораздо медленнее.

Одежда липла к коже. Ночь была тёплой. Где-то за деревней отключили электричество, и горизонт разом потемнел.

— Свет лёг, — сказала Маргарита.
— У нас тоже?
— Сейчас увидим.
Когда подошли к дому, окна были тёмными.
Таня зажгла фонарь телефона.
— Свечи на кухне.
— Ты откуда знаешь?
— Я здесь жила, если ты забыл.

На кухне нашлись три свечи. Одна стояла в блюдце, две — в гранёных стаканах. Налили чай из термоса. Сели вокруг стола. Свечи совершенно меняли лица. Меняли возраст. Высвечивали глаза. За окном шумели деревья.

И вот тогда Катя сказала:

— Давайте только сегодня не обсуждать, что с нами произошло за десять лет.
— Почему? — спросила Маргарита.
— Завтра всё равно начнём. Кто развёлся, кто не развёлся, кто кого похоронил, кто куда уехал, кто сколько зарабатывает, кто чего боится. Всё это будет.
— А сегодня давайте просто будем теми, кто сюда приехал.
Таня подняла кружку.

— Поддерживаю.

Маргарита тоже.

Денис последним коснулся своей кружкой остальных.

— За что?

Таня посмотрела на него через огонь свечи.

— За то, что мы ещё можем вернуться.

— В прошлое?

Она покачала головой.

— Нет. Туда нельзя.

И чуть улыбнулась.

— Друг к другу.

За несколько секунд никто не сказал ни слова. А потом за окном снова раздался далёкий взрыв. Стекло заметно дрогнуло. Маргарита посмотрела в окно, Катя — на огонь. Таня на Дениса. Никто не потянулся за телефоном.

Глава 3

— Мы сейчас добровольно отключились от цивилизации? — спросила она.

— На двадцать минут, — сказал Денис.

— Радикал.

— Террорист практически.

— Экстремист тишины.

— Хорошее название.

Таня сказала:

— Давайте выключим.

— Телефоны?

— Совсем?

— На ночь.

Маргарита посмотрела на неё так, будто та предложила сжечь документы.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— А если что-то случится?

— Оно всё равно случится.

— Железно.

— Я старалась.

Первой выключила телефон она. Следом — Денис. Катя — почти сразу. Маргарита ещё секунд десять держалась. Потом сдалась. И наступила тишина. Настоящая. Та, в которой нет скрытого ожидания сигнала. Нет вибрации в кармане.

Нет невидимого мира, который требует внимания. Только люди. И пространство между ними.

— А помните, как мы тогда играли? — спросила Катя.

Таня прищурилась.

— Ты про какое «тогда»?

— Про то самое.

— Катюша.

— Что?

— Ты прекрасно знаешь, что делаешь.

— Конечно.

Денис почувствовал, как внутри что-то отозвалось. Не воспоминание в деталях. Скорее общий вкус времени. Запах воды. Кожа после солнца. Неловкость. Смех. Чувство, что они открывают мир, которого до них не существовало.

— Я помню, — сказал он.

Таня смотрела на него.

— Всё?

— Достаточно.

— Опасный ответ.

— Почему?

— Человек думает, что помнит больше, чем было на самом деле.

— А ты?

Она помолчала.

— Я помню ощущения лучше событий.

— Вот и я.

— Например?

— Например, что рядом с тобой всё время было ощущение, будто я делаю что-то впервые. Таня перестала улыбаться. Эти слова проникали глубже, чем они оба ожидали.

— Это красиво, — сказала она.

— Это правда.

— Ещё хуже.

— Почему?

— Красивые слова обычно проходят.

— А правда?

— Остаётся.

И снова тишина.

На этот раз совсем другая.

Катя уснула первой. Прямо на полу, завернувшись в одеяло.

Маргарита ещё какое-то время держалась, потом тоже легла у стены.

— Я не сплю, — сказала она.

— Конечно, — ответила Таня.

Через пять минут дыхание Маргариты стало ровным. Денис и Таня остались у окна. Так получилось само собой. Ночь за окном была безветренной. Вдалеке мигала красная точка вышки. По дороге проезжали редкие машины.

— Вот теперь странно, — сказал Денис.

— Что?

— Мы снова здесь.

— Мы уже это обсуждали.

— Нет. Не место.

Он повернулся к ней.

— Мы.

Таня некоторое время молчала.

— Да.

— Ты когда-нибудь представляла это?

— Что мы встретимся?

— Так.

— Иногда.

— Часто?

— Не льсти себе.

Он рассмеялся.

— Значит, часто.

— Значит, иногда.

— Хорошо.

Она сидела совсем близко. Настолько, что Денис чувствовал тепло её плеча. Не касание. Тепло. И это действовало сильнее любого прикосновения.

— Ты сильно изменилась, — сказал он.

— Ты тоже.

— Я про другое.

— Я знаю.

— И?

Она посмотрела прямо на него.

— И мне нравится.

Он не сразу понял, о чём именно она говорит. О нём? О себе? О том, что между ними происходит? Или обо всём сразу.

— Мне тоже, — сказал он.

Таня улыбнулась.

— Очень содержательный разговор.

— Иногда можно.

— Деничка.

— М?

— Не превращай сейчас это в анализ.

— Не буду.

— Обещаешь?

— Нет.

Она засмеялась тихонько, чтобы не разбудить остальных. Потом положила голову ему на плечо.

Так, будто десять лет между ними были не временем, а длинной дорогой, которую каждый прошёл отдельно, чтобы наконец снова оказаться здесь.

Денис замер. Застыл, чтобы не испортить этот момент движением. Таня это почувствовала.

— Расслабься.

— Я расслаблен.

— У тебя плечо каменное.

— Это возраст.

— Врёшь.

— Немного.

Она устроилась удобнее.

И несколько минут они сидели.

— Знаешь, что самое обидное? — сказала Таня.

— Что?

— Нам раньше казалось, что близость — это обязательно что-то невероятное.

— А теперь?

— А теперь я думаю, что это когда можно молчать и не чувствовать пустоты.

Денис скользнул взглядом по тёмному, как бездонная пропасть, окну.

— Очень взрослая мысль.

— Ужасная.

— Почему?

— Я не хотела становиться взрослой.

— А кем хотела?

— С собой.

Он улыбнулся.

— Получилось?

Таня задумалась.

— Иногда.

— Сегодня?

Она подняла голову с его плеча и посмотрела на него.

— Сегодня — да.

Потом снова уютно устроилась рядом.

И Денис понял, что ему нечего добавить.

Глава 4

Глава 4. День после возвращения

Под утро стало холодно. Катя проснулась, посмотрела на них и ничего не сказала. Только усмехнулась. Маргарита открыла глаза минут через десять.

— Кофе есть?

— Нет электричества.

— Тогда цивилизация окончательно рухнула.

— Внизу газ.

— А, значит, ещё держимся.

Они спустились на кухню. Поставили турку. Открыли окно. Небо посерело. Птицы пели так, будто в мире ничего не происходило. Ни войн. Ни кризисов. Ни закрытых дорог. Ни тревог. Природа обладает поразительным даром игнорировать человеческие драмы.

Таня стояла у окна. Денис подошёл, но остановился на расстоянии. Она почувствовала. Обернулась.

— Что?

— Ничего.

— Опять смотришь.

— А нельзя?

— Можно.

Она сказала это спокойно. Без вызова. И поэтому фраза прозвучала почти интимно. Денис снова отметил линии её фигуры, движение дыхания, мягкий утренний свет на лице. Но теперь в этом не было ни подростковой поспешности, ни взрослой осторожности.

Только простое удовольствие смотреть на человека, который тебе нравится. Таня протянула ему чашку.

— Держи.

Их пальцы соприкоснулись. Мгновение. Самое обычное. Но Денис почувствовал его до плеча. Она тоже.

— Горячо, — сказала Таня.

— Кофе?

— Конечно кофе.

И ушла к столу.

Денис остался у окна и улыбался.

Катя заметила.

— Что?

— Ничего.

— Катя.

— Я молчу.

Маргарита подняла чашку.

— **За взрослость.**

— Нет, — сказала Таня.

— Почему?

— За то, что она иногда проходит.

И все засмеялись. А за окном начинался новый день. Тот самый 2026 год со всеми его тревогами, дефицитами, новостями и неизвестностью никуда не исчез. Но теперь они встречали его вчетвером.

И это меняло всё.

К обеду пришли новости. Не через телефоны — они их так и не включили. Новости пришли через соседку.

Она появилась у калитки с авоськой, огурцами и выражением лица человека, который обязан немедленно сообщить миру обо всём.

— Вы слышали?

— Что? — спросила Маргарита.

— На трассе опять пробка. Бензина мало. И ещё ночью что-то сбивали. Говорят, обломки упали возле поля.

— Вот тебе и доброе утро.

Соседка продолжила:

— А у Петровых сыну повестка пришла. А у Сёмкиных машину на прошлой неделе разбило осколками. И магазин сегодня до трёх работает, потому что привоза не будет.

— Спасибо, тётъ Нин.

— Вы-то надолго?

— Пока не знаем.

— Сейчас никто ничего не знает.

Когда соседка ушла, они ещё несколько минут стояли во дворе.

— Кстати, — сказала Маргарита. — Мы сами-то надолго?

Вопрос прозвучал буднично, и все посмотрели друг на друга.

Денис ответил первым:

— Неделю точно.

— Очень смело, — сказала Таня.

— А ты?

— Пока не пойму, куда имеет смысл возвращаться.

Катя села на ступеньку.

— Я вообще не хочу сейчас назначать дату.

— У меня работа, — сказала Маргарита. — И вещи. И... жизнь там.

— Значит, когда?

Она раздражённо пожала плечами.

— Не знаю.

Таня посмотрела на Дениса.

— Кажется, у нас новая национальная идея.

— «Не знаю»?

— Именно.

На кухне висел старый календарь, оставшийся ещё от бабы Маши. Маргарита зачем-то нашла ручку и обвела сегодняшнее число.

— Что делаешь? — спросила Катя.

— Фиксирую начало.

— Начало чего?

Маргарита хотела ответить, но остановилась.

— Посмотрим.

Ответ Маргариты повис между ними. В этом «посмотрим» было что-то очень точное: сейчас никто ничего не знал. Раньше будущее казалось бесконечным. Теперь оно существовало максимум на несколько недель вперёд.

Иногда на несколько дней. Иногда до следующего уведомления.

— Сходим в магазин? — предложила Катя.

— Зачем?

— Посмотрим, как выглядит конец цивилизации.

— Ты неисправима.

— Зато последовательна.

До магазина шли пешком, хотя идти было не близко. Бензин экономили. На обочинах стояли машины. Некоторые давно. У одной был открыт капот. У другой мужчина переливал топливо из канистры. На перекрёстке висело объявление: «АИ-95 нет».

Кто-то маркером дописал снизу: «Зато есть надежда». Маргарита сфотографировала.

— Это надо сохранить.

— Зачем?

— Чтобы потом никто не говорил, что такого не было.

— Ты думаешь, потом кто-то будет спорить?

— Всегда спорят.

— Особенно с прошлым, — сказала Таня.

Магазин оказался полупустым. Не катастрофически. Некоторые полки уже выглядели так, будто из них понемногу вынули нормальную жизнь. Не было части молочки. Почти закончилась вода. Кофе подорожал. Батарейки продавались по одной упаковке в руки.

Катя взяла шоколадку.

— На случай конца света.

— Практично, — сказала Таня.

Денис купил хлеб, сыр, банку тушёнки и четыре бутылки воды.

— Готовишься к осаде?

— Нет.

— А похоже.

— Не люблю быть зависимым.

— Вот это уже узнаваемо.

Обратно они пошли через поле. Трава стояла высокая, местами по пояс. Ветер гнал по ней длинные волны. На горизонте висели тяжёлые белые облака.

— Красиво, — сказала Катя.

— Нереально красиво, — ответила Таня.

— Почему нереально?

— Когда вокруг всё нестабильно, особенно остро замечаешь то, что стабильно.

— Траву?

— Например.

Они остановились на краю поля. Денис вспомнил, как они когда-то бегали здесь детьми. Казалось, будто нужно только посмотреть чуть внимательнее — и можно увидеть их прежних. Маленькие фигуры. Шум. Смех.

Пыль. Крики. Потом видение исчезло. Остались четверо взрослых людей. И мир, который не обещал им ничего.

— Я вот думаю, — сказал Денис.

Таня сразу усмехнулась.

— Началось.

— Не перебивай.

— Молчу.

— Мы слишком долго жили так, будто всё обязано продолжаться.

— Что?

— Всё.

Он махнул рукой.

— Свет. Бензин. Магазины. Поезда. Связь. Деньги. Работа. Что завтра будет примерно похоже на сегодня.

— А теперь?

— А теперь я впервые понимаю, насколько это всё хрупкое.

— Я давно это понимаю.
Катя спросила:
— И что с этим делать?
Денис задумался.
— Не знаю.
— Вот это мне нравится.
— Что?
— Ты наконец иногда говоришь «не знаю».
— Старею.
— Нет. Умнеешь.
— Поздновато.
— Главное — успел.

Днём стало жарко. Слишком жарко для сентября. Они вернулись к дому, бросили продукты на кухне и почти одновременно решили идти к реке. На этот раз без разговоров. Собрали полотенца и пошли.

Днём река была совсем другой. Светлая. Густо-зелёная. Солнечные блики дрожали на воде, как рассыпанные монеты. На берегу никого.

— Идеально, — сказала Катя.
— Для чего?
— Для нарушения общественной морали.
Маргарита засмеялась.
— Ты вчера недополучила впечатлений?
— Я человек последовательный.
Таня уже сняла обувь.
— Я за.
Денис посмотрел на неё.
— За что именно?
Она повернула голову.
— За воду.
— А.
— Разочарован?
— Наоборот.
— Врёшь.
— Немного.

Они засмеялись.

Таня пошла к воде.

И Денис опять *заметил* её.

Не одну деталь. Всю. Походку. Плечи. Движение бедра. Как она чуть поворачивается, когда снимает футболку. Как ткань на секунду задерживается на руках. Как солнечный свет ложится на кожу. Он отвёл взгляд не из смущения.

Потому что понимал: если смотреть слишком долго, момент перестаёт быть моментом и превращается в заявление. А ему не хотелось ничего заявлять. Катя тем временем уже вошла по колено в воду.

— Холодная!
— Вчера была холоднее, — сказала Маргарита.
— Ты успела за ночь провести сравнительный анализ?
— Разумеется.

Таня вошла вслед за ними.

Потом обернулась.

— Дэн.

— Что?

— Ты там собираешься медитировать или пойдёшь плавать?

— Думаю.

— Опять?

— Уже иду.

Он вошёл в воду. Она обожгла холодом. И через секунду всё снова стало очень простым. Тело. Вода. Солнце. Дыхание. Смех.

Денис отплыл дальше.

Таня догнала его.

— Ты сегодня какой-то тихий.

— Устал.

— Нет.

— А какой?

— Смотришь.

— На что?

— На всё.

Он усмехнулся.

— Это запрещено?

— Нет.

— Тогда в чём проблема?

— Проблемы нет.

Она подплыла ближе.

— Интересно.

— Что?

— Что ты видишь.

Он посмотрел ей в глаза.

— Тебя.

— Очень информативно.

— Взрослую тебя.

— А раньше?

— Раньше я видел девочку.

Она слегка улыбнулась.

— Очевидно.

— Не совсем.

— Объясни.

Денис помолчал.

— Раньше мне казалось, что человек — это то, что прямо сейчас перед тобой. А теперь я смотрю на тебя и вижу сразу несколько времён.

— Какие?

— Ту, которая была.

Он сделал паузу.

— Ту, которая есть.

Ещё пауза.

— И ту, которой ты могла стать, но не стала.

Таня долго смотрела на него.

— Красиво сказал.

— Я не специально.

— Это заметно.

— Почему?

— Когда ты стараешься быть красивым, получается хуже.

Он рассмеялся.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Она подплыла ближе. Вода между ними почти исчезла. Не было никакого движения вперёд. Расстояние между ними изменилось. Денис почувствовал это сразу. И снова всё тело отреагировало быстрее мыслей.

Реакция была не грубой и не резкой — скорее тонкой, почти электрической. Как будто внутри натянули струну. Таня тоже почувствовала перемену. Это было видно по дыханию. По взгляду. По тому, как она внезапно перестала улыбаться.

— Вот теперь ты опять слишком много думаешь, — сказала она.

— А ты?

— Я меньше.

— Завидую.

— Не надо.

— Почему?

— Иногда думать полезно.

— Иногда?

— Иногда.

Она улыбнулась.

И вдруг плеснула ему водой в лицо.

Денис не ожидал.

Захлебнулся.

— Ты ненормальная.

— Зато ты перестал думать.

И поплыла к берегу.

Они лежали на траве. Солнце согревало кожу. Никто не разговаривал. Денис смотрел в небо. Слышал дыхание рядом. Запах воды. Травы. Солнца. Таня лежала в нескольких шагах. Время от времени поворачивалась.

И каждый раз он видел движение её тела боковым зрением. Ничего не происходило. Это делало всё происходящее особенно реальным. В подростковом возрасте ему казалось, что близость — это всегда поступок.

Теперь он ясно понимал: иногда близость — это отсутствие необходимости что-то делать. Лежать рядом. Знать. Чувствовать. Не торопить. Катя сказала:

— А давайте здесь останемся до вечера.

— И есть что будем? — спросила Маргарита.

— Шоколадку.

— Гениально.

— Я же говорила, стратегический запас.

Таня повернулась на бок.

— Я за.

— Ты сегодня со всем соглашаешься.

— Нет.

— А с чем не согласна?

— Например, что нам надо возвращаться к нормальной жизни.

— А что такое нормальная?

Она задумалась.

— Понятия не имею.

И снова все рассмеялись.

Около четырёх часов со стороны трассы донёсся глухой взрыв.

Птицы сорвались с деревьев.

Маргарита сразу села.

— Близко.

Денис поднялся. Через минуту вдали появился чёрный дым. Таня смотрела туда молча.

Никто больше не смеялся. Катя тихо сказала:

— Вот так.

— Что? — спросил Денис.

— Так и живём.

Река продолжала течь. Солнце продолжало светить. На другом берегу ветер шевелил камыш. И в этой обыденности было что-то невыносимое. Красота и опасность. Жизнь и страх. Тело и сознание. Настоящее и прошлое.

Всё вместе. Денис посмотрел на Таню. Она стояла рядом. Очень близко. Она без слов взяла его за руку — не сжала, лишь удержала ладонь в своей. Он посмотрел на их руки.

Потом на неё.

— Что?

— Ничего.

Она продолжала смотреть на дым.

— Захотелось.

Этого было достаточно.

Ладонь в ладони, пока над горизонтом расползлся дым.

Они ещё долго стояли у реки и смотрели, как чёрный столб над горизонтом медленно расползается в стороны.

Сначала дым был плотным, вертикальным, потом ветер потянул его к востоку, и он превратился в длинную грязно-серую полосу.

Маргарита выдохнула воздух, который, кажется, всё это время держала в лёгких.

— Надо возвращаться.

Никто не спорил. Таня всё ещё держала Дениса за руку. И только когда они уже пошли по тропе, отпустила. Пальцы разомкнулись. Денис почувствовал это сильнее, чем само прикосновение.

На секунду возникло что-то очень живое и настоящее, а потом стало воздухом.

До деревни дошли быстро. Телефоны включили ещё по дороге. Связь появилась сразу. Сообщения посыпались одно за другим.

ИЗ СЕЛЬСКОГО ЧАТА

«Говорят, удар был по складу».

«Нет, по подстанции».

«На трассу пока не выезжайте».

«На заправке закончился бензин».

«Видео старое, не разгоняйте панику».

Тревога, предупреждения, видео, фотографии, голосовые.

Денис выключил экран.

— Через десять минут будет десять версий этого события.

— Уже есть, — сказала Маргарита.

— Сколько?

— Семь.

— Отстаёшь.

Таня шла рядом.

— Я иногда думаю, что главное оружие нашего времени — не ракеты.

— А что?

— Шум.

— Информационный?

— Любой.

Она махнула рукой в сторону телефонов.

— Когда вокруг слишком много сигналов, человек перестаёт понимать, что реально важно.

Катя усмехнулась.

— А потом приходит соседка и всё объясняет.

— Самая надёжная разведка.

— Сеть человеческой агентуры.

— С авоськами.

Они рассмеялись.

От этого смеха тревога немного отступила.

Не исчезла. Перестала занимать всё пространство.

У деревенской заправки стояла очередь. Машин двадцать. Может, больше. Люди вышли из салонов, разговаривали, курили, кто-то ругался. На колонке висел лист бумаги:

АИ-92— по 15 литров.

— Вот это уже интереснее, — сказал Денис.

— Что?

— Вчера было двадцать.

— Стабильность, — сказала Таня.

— Отрицательный рост.

Мужчина у крайней машины услышал их.

— Через час вообще закроют.

— Почему? — спросила Катя.

— Топливо заканчивается.

— Откуда знаете?

Он пожал плечами.

— Говорят.

Маргарита тихо сказала:

— Вот главный источник информации в стране.

— Кто?

— «Говорят».

Денис усмехнулся.

— Самая устойчивая институция.

Они прошли дальше.

Таня повернулась к нему.

— А ты бы сейчас что делал?

— В каком смысле?

— Если бы это стало надолго.

— Бензин?

— Всё.

Денис задумался.

— Минимизировал зависимости.

— Конкретно?

— Топливо. Электричество. Вода. Связь.

— Ты уже это всё продумывал?

— Конечно.

Она остановилась.

— Дэн.

— Что?

— Ты нормальный человек вообще?

— Вопрос спорный.

— Люди думают, что приготовить на ужин, а ты строишь автономную цивилизацию.

— Поэтому у меня будет ужин, когда у остальных не будет.

Таня посмотрела на него и улыбнулась.

Не насмешливо.

Почти тепло.

— Вот за это я тебя и помню.

— За паранойю?

— За то, что ты никогда не соглашался быть беспомощным.

Эта фраза зацепила.

Он ничего не ответил.

К дому подошли ближе к вечеру. Двор был залит косым светом. Яблоня отбрасывала длинную тень. На крыльце стояло ведро с водой. Обычная картина. Настолько обычная, что Денис почувствовал почти физическое облегчение.

— Я есть хочу, — сказала Катя.

— Наконец-то здравая мысль, — ответила Маргарита.

— Я весь день их произношу.

— Ты весь день ела шоколад.

— Это тоже мысль.

На кухне устроили поздний обед. Хлеб, сыр, помидоры, огурцы, тушёнка. Что-то нашли в холодильнике. Таня нарезала хлеб. Маргарита спорила с Катей о том, можно ли считать тушёнку полноценной едой. Денис сидел у окна и наблюдал.

И поймал себя на необычном ощущении. Ему сейчас нравилась не Таня отдельно. Не Маргарита. Не Катя. Ему нравилась сама сцена. Люди на кухне. Шум ножа по доске. Запах еды. Солнечный свет.

Женские голоса. Та самая простая наполненность жизни, которую невозможно получить из новостей, экранов, аналитики и больших идей. Таня поставила перед ним тарелку.

— Ты опять завис.

— Наблюдаю.

— За чем?

— За вами.

Она прищурилась.

— Опасное занятие.

— Почему?

— Можно привыкнуть.

— А если уже?

Она ничего не ответила.

Только поставила рядом вилку.

После еды все разошлись по дому.

Маргарита, однако, спать не легла. Через десять минут она снова появилась на кухне с тетрадью.

— Так. У нас сколько воды?

Катя, уже дошедшая до двери, остановилась.

— Началось.

— Что началось?

— Марго строит государство.

— Я пытаюсь понять, сколько нас хватит, если отключат насос.

Денис вернулся от окна.

— В колодце вода есть.

— А если электричества не будет?

— Достанем ручную.

— Чем?

Он открыл рот и закрыл.

Маргарита торжествующе подняла ручку.

— Вот.

Через полчаса на столе лежал список: вода, свечи, батарейки, лекарства, дрова, бензин, продукты, связь. Денис сначала посмеивался, потом забрал ручку и дописал «ручной ворот для колодца» и «огнетушитель».

Таня смотрела на них через кружку.

— Два психа нашли друг друга.

— Зато вы будете пить, когда наступит конец света, — сказал Денис.

— Я хочу жить с людьми, которые иногда умеют просто есть суп.

Маргарита не улыбнулась.

— Таня, я серьёзно.

— Я тоже.

В комнате стало чуть тише.

— Если мы начнём превращать каждый день в подготовку к худшему, — сказала Таня, — худшее уже победило.

Денис положил ручку.

— А если не подготовимся и оно случится?

— Тогда будем решать.

— Это плохой план.

— Зато это жизнь, Дэн.

Катя смотрела то на одного, то на другую. Маргарита медленно закрыла тетрадь.

— Ладно. Один час в день на катастрофу.

— Что?

— Планируем, проверяем, читаем новости. Один час. Потом живём.

Таня подумала.

— Это уже похоже на договор.

— Ничего мы не договаривались, — сказал Денис.

Таня посмотрела на него.

— Учишься быстро.

Глава 5

Глава 5. Смотреть

Маргарита легла спать, Катя ушла во двор кому-то звонить, а Денис поднялся на чердак.

За день крыша нагрелась; он открыл окно шире. Снаружи пахло сухой листвой и далёким, почти незаметным дымом.

Денис сел на старую тахту. Через несколько минут на лестнице послышались шаги. Таня. Она поднялась и остановилась на верхней ступеньке.

— Я так и знала.

— Что?

— Что ты будешь здесь.

— Почему?

— Ты всегда выбираешь место повыше.

— Стратегически выгодное.

— Вот именно.

Она вошла.

Села рядом.

Не слишком близко.

Не слишком далеко.

— У тебя правда всё хорошо? — спросила она.

— В каком смысле?

— В обычном.

— У меня давно нет обычного смысла.

— Не увиливай.

— Я не увиливаю.

— У тебя есть кто-нибудь?

— Сейчас?

— Да.

— Нет.

— Почему?

— Так получилось.

— Это не ответ.

— А ты?

— Тоже нет.

Теперь они оба молчали.

— Вот видишь, — сказал Денис. — Можно не отвечать.

— Я ответила.

— Ты сказала факт.

— А ты даже факт не сказал нормально.

Он усмехнулся.

— Хорошо. Нет. Никого нет.

— Давно?

— Достаточно.

— И тебя это устраивает?

— Обычно да.

— А сейчас?

Таня не отвела взгляд.

— Сейчас вопрос поставлен некорректно.

— Господи, ты способен говорить как человек?

— Иногда.

— Попробуй.

Он вздохнул.

— Сейчас мне хорошо.

Таня перестала смеяться.

— Вот.

— Что?

— Нормальный ответ.

Она откинулась назад, оперлась руками о тахту. Вечерний свет входил через окно сбоку и ложился на её лицо, шею, руки. Денис снова видел не отдельные детали. Всю её. Взрослую. Спокойную.

Уверенную. Живую. Он понимал, что его взгляд задерживается дольше, чем следует. И понимал, что Таня это прекрасно знает. Она не меняла позы. Не закрывалась. Не делала вид, будто ничего не происходит.

— Ты всегда так смотришь? — спросила она.

— Как?

— Будто пытаешься запомнить.

Денис задумался.

— Возможно.

— Зачем?

— Потому что всё исчезает.

Она резко повернула голову.

— Вот это уже хуже.

— Почему?

— Ты заранее превращаешь настоящее в воспоминание.

Таня продолжила:

— Не надо сейчас меня запоминать.

— А что делать?

— Смотреть.

— Разница?

— Огромная.

Она чуть подалась ближе.

— Когда запоминаешь — уже прощаешься.

Пауза.

— А когда смотришь — остаёшься.

Денис почувствовал, как внутри что-то сдвинулось.

Очень тихо.

— Хорошо, — сказал он.

— Что хорошо?

— Буду смотреть.

— Вот и смотри.

И улыбнулась.

Внизу кто-то хлопнул дверью.

Катя крикнула:

— Вы там живы?

Таня не отводила глаз от Дениса.

— Пока да.

— Через десять минут чай!

— Хорошо!
Шаги ушли.
На чердаке снова стало тихо.
— Десять минут, — сказал Денис.
— Много.
— Для чего?
— Для разговора.
— А.
— Что «а»?
— Ничего.
— Врёшь.
— Конечно.
Таня придвинулась чуть ближе.
Теперь их плечи почти касались.
— Ты знаешь, что мне в тебе всегда нравилось?
— Нет.
— Ты не боялся хотеть.
Денис замер.
Таня продолжила спокойно:
— Не в смысле брать. Не путай. Хотеть.
— Люди обычно очень рано учатся делать вид, что им ничего не нужно.
— А я?
— А ты всегда был слишком наглый для этого.
Он усмехнулся.
— Это комплимент?
— Сегодня да.
— А завтра?
— Посмотрим.
Денис чуть повернулся к ней.
— А ты?
— Что я?
— Чего хочешь ты?
Таня задумалась.
Долго.
Потом сказала:
— Чтобы этот день не закончился слишком быстро.
Внутренний отклик оказался сильнее, чем Денис ожидал.
Он хотел точно того же.
Когда спустились вниз, Катя сразу посмотрела на них.
— Что?
— Ничего, — сказала она.
— Вот зараза, — пробормотала Таня.
Маргарита уже проснулась и сидела за столом.
— Новости есть?
— Не знаю, — сказал Денис.
— Почему?
Он показал выключенный телефон.
Маргарита рассмеялась.
— Всё. Мы его потеряли.

— Кого?

— Дениса.

— Почему?

— Он добровольно отказывается знать, что происходит в мире.

Таня села рядом.

— Зато теперь понимает, что происходит рядом с ним.

Денис посмотрел на неё. Она спокойно налила чай. Как будто ничего особенного не сказала. Но она сказала. А он услышал.

Вечером пошли гулять по деревне. Мимо пустого клуба. Мимо остановки. Мимо старого поля. Мимо домов, из которых доносились телевизоры. Где-то обсуждали мобилизацию. Где-то цены. Где-то чей-то отъезд.

Где-то смеялись. Где-то жарили мясо. Жизнь продолжалась во всех регистрах одновременно. У магазина сидели трое мужчин. Один сказал:

— Если ещё неделю так будет, бензина совсем не останется.

Другой ответил:

— Да будет.

Третий молчал. Денис подумал, что третий, вероятно, самый умный. Таня шла рядом. Иногда их руки касались. Случайно. Или не совсем.

Когда стемнело, они оказались у реки. Река стала центральной точкой этих дней. Катя с Маргаритой ушли немного вперёд. Денис и Таня остались позади.

— Ты завтра уезжаешь? — спросила она.

— Не знаю.

— Опять хороший ответ.

— А ты?

— Тоже не знаю.

— Это заразно.

— Возможно.

Они дошли до мостков.

Остановились.

Вода была неподвижной.

На том берегу мерцал фонарь.

Таня опёрлась на перила.

— Дэн.

— Да.

— Только давай без обещаний.

— Каких?

— Любых.

Он понял.

— Хорошо.

— И без разговоров о том, что «надо было раньше».

— Хорошо.

— И без попыток решить, что будет дальше.

— Ты слишком много условий ставишь.

— Я предупреждала, что стала хуже.

Он улыбнулся.

— Тогда что остаётся?

Таня посмотрела на него.

Очень спокойно.

— Сейчас.

Денис молчал. Она тоже. А потом взяла его за руку. На этот раз не потому, что где-то что-то взорвалось. Не потому, что стало страшно. Не потому, что нужен был жест поддержки.

Потому что захотела. И это меняло всё. Они стояли так над тёмной водой. Без обещаний. Без анализа. Без попытки немедленно назвать то, что между ними происходило. Мир вокруг был нестабилен.

Будущее — непрозрачно. Прошлое — неизменяемо. Но настоящее существовало. Тёплая ладонь. Запах реки. Тёмное небо. Дыхание рядом. И чувство, которое не требовало ни доказательств, ни объяснений. Только присутствия. Ночь растянулась над деревней.

Ещё час назад над полем лежал тёплый медовый свет, а теперь всё стало густым, синеватым, почти бесцветным. Только окна отдельных домов светились желтым в темноте, как маленькие знаки того, что люди всё ещё здесь.

Денис и Таня возвращались от реки последними. Катя с Маргаритой ушли вперёд. Их голоса то доносились из темноты, то пропадали. Таня и Денис шли молча. Молчание между ними уже не требовало объяснений.

Но оно изменилось. Раньше в нём было ожидание. Теперь — знание. Не договорённость. Не обещание. Не решение. Ясность того, что они оба чувствуют присутствие другого слишком остро, чтобы делать вид, будто ничего не происходит.

У калитки Таня остановилась.

— Ты думал, что мы можем оказаться здесь снова?

— Нет.

— Врёшь.

— Иногда.

— Вот.

— Я тоже.

— Часто?

— Не льсти себе.

— Это ты уже говорила.

— Потому что ты всё ещё нуждаешься в повторении.

Он тихо рассмеялся. Посмотрел на неё внимательнее. Ночной свет почти стирал детали лица, но глаза оставались видны. Таня стала серьёзной.

— Денис.

— Да?

— Ты меня помнишь слишком хорошо.

Он не сразу понял смысл.

— Это плохо?

— Иногда.

— Почему?

— Память очень хитрая вещь.

Она открыла калитку, но не пошла дальше.

— Она может сделать человека красивее, умнее, желаннее, чем он был.

— Я знаю.

— Нет. Ты знаешь теоретически.

Она смотрела ему прямо в глаза.

— А я хочу, чтобы ты видел меня сейчас.

— Я вижу.

— Всю?

— Думаю, да.

— Думаешь.

— Хорошо. Вижу.

Таня ещё секунду молчала.

— Тогда нормально.

И пошла к дому.

На кухне горел свет. Электричество вернулось. Холодильник гудел. Чайник шумел. Телефоны заряжались. Цивилизация, казалось, робко пыталась восстановить своё присутствие. Катя сидела на подоконнике. Маргарита открыла банку варенья.

— Ну что? — спросила Катя.

— Что? — ответила Таня.

— Ничего.

— Кэт.

— Я молчу.

— Вот и молчи.

Маргарита поставила банку на стол.

— Удивительно, что после стольких лет мы снова оказались в той же конфигурации.

— В какой? — спросил Денис.

— Ты делаешь вид, что ничего не происходит. Таня делает вид, что ей всё равно. Катя делает вид, что она просто наблюдает. А я единственная честная.

— Это клевета, — сказала Катя.

— Это анализ.

Денис сел за стол.

— И что говорит анализ?

— Что вы оба смешные.

Таня взяла ложку.

— Сама ты смешная.

Маргарита пожала плечами.

— А я не против.

Поздний ужин растянулся. Ели хлеб, варенье, остатки сыра, яблоки из сада. Разговор метался от смешного к серьёзному. От прошлого — к настоящему. От цен на бензин — к чужим разводам.

От беспилотников — к музыке, которую они слушали детьми. От мобилизации — к тому, где теперь живут их бывшие одноклассники. Мир за окном был тяжёлым. Но здесь, внутри кухни зарождалась совсем иная жизнь.

Будто они заново собирали своё маленькое пространство из самых простых вещей. Голоса. Смех. Еда. Тепло. Взгляды. Паузы. И вдруг Катя сказала:

— А я вот думаю, почему мы тогда так легко были близкими.

Маргарита посмотрела на неё.

— Потому что были детьми.

— Нет.

— А почему?

Катя задумалась.

— У нас ещё не было биографий.

— В смысле? — спросил Денис.

— Не было груза.

Она повела рукой.

— Никто не был бывшим мужем, бывшей женой, человеком с ипотекой, человеком с потерями, человеком с карьерой, человеком, который что-то кому-то должен.

Таня кивнула.

— Просто были мы.

— Да.

Катя посмотрела на них.

— А сейчас мы снова пытаемся дотянуться друг до друга через всё, что накопилось.

Денис кивнул. Не вернуть прошлое. А снять с человека слои, которыми его покрывала жизнь. Рассмотреть того настоящего, кто прячется там внутри.

После полуночи Маргарита ушла спать первой.

Катя ещё немного посидела, потом тоже поднялась.

— Я наверх.

— Чердак занят, — сказала Таня.

— Похоже.

— Наконец-то нам оставили первый этаж.

— Заговор.

— Однозначно.

Они остались на кухне. Свет выключили. Оставили только маленькую лампу над плитой. Помещение стало уютным, камерным. Таня сидела напротив. В мягком боковом свете её лицо выглядело иначе. Спокойнее. Мягче.

И Денис снова заметил, насколько сильно изменилось его восприятие. Раньше женская красота была для него вспышкой. Сейчас — пространством. Она раскрывалась не сразу. В голосе. В жестах. В паузах. В том, как Таня держала кружку.

Как прикусывала губу, когда думала. Как опускала взгляд, но не из смущения. Скорее чтобы дать себе секунду перед ответом.

— Что? — спросила она.

— Опять заметила?

— Конечно.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Интересно, скажешь ли ты сам.

Денис улыбнулся.

— Ты красивая.

Таня не отвела взгляд.

— Сейчас или вообще?

— Сейчас.

— Хороший ответ.

— Почему?

— «Вообще» звучало бы как комплимент.

— А сейчас?

— Наблюдение.

Он чуть наклонился вперёд.

— А если и то и другое?

— Тогда оставим.

Где-то далеко снова послышался гул. Не взрыв. Тяжёлый низкий звук. Они оба прислушались. Одновременно решили не проверять телефоны. Таня сказала:

— Знаешь, что мне во всём этом не нравится больше всего?

— В войне?

— Не только.

Она посмотрела в окно.

— В том, как быстро человек привыкает жить на фоне угрозы.

— Это адаптация.

— Опять объясняешь.

— Прости.

— Нет, продолжай.

Денис удивился.

— Правда?

— Да.

— Тогда да. Организм не может жить в постоянной тревоге. Он начинает нормализовать ненормальное.

Таня медленно кивнула.

— Вот именно.

— И?

— И я боюсь не страха.

Она повернулась к нему.

— Я боюсь привыкнуть.

— К чему?

— Ко всему.

— К плохому?

— Да.

Пауза.

— И к хорошему тоже.

— Это уже интереснее.

— Вот представь. Ты приезжаешь. Мы снова вместе. Река, дом, чердак.

— И ты начинаешь думать, что теперь так будет всегда.

— Я не думаю.

— Врёшь.

— Немного.

— Вот.

Она протянула руку через стол.

Положила ладонь поверх его руки.

— Я не хочу превращать это в привычку.

— А во что?

— В событие.

Денис перевернул ладонь и легко сжал её пальцы.

— Событие может повторяться.

— Может.

— Тогда договорились.

— Мы ни о чём не договаривались.

— Прекрасно.

Они вышли во двор.

Ночь стала прохладнее.

Трава блестела.

Шелестело дерево.

Таня подняла голову.

— Видишь?

— Что?

— Звёзды.

— Вижу.

— В городе их почти нет.

— Там свет.

— Знаю.

— В детстве мне казалось, что, если смотреть достаточно долго, можно понять всё.

— Получилось?

- Нет.
- Странно.
- А тебе?
- Мне кажется, я стал понимать меньше.
- Вот это, возможно, и есть признак ума.
- Не начинай льстить.
- Даже не собиралась.

Они дошли до яблони. Под ней почти лежала вросшая в землю старая скамейка. Сели. Таня вытянула ноги. Денис посмотрел на неё. В этот момент она была почти неподвижна. Только дыхание.

Тонкое движение плеч. Едва заметный ветер в волосах. Ему нравилось видеть её рядом. Но вместе с этим было и другое. Совсем телесное. Тёплое. Простое. Он не пытался от него избавиться.

Не анализировал. Не превращал в символ. Оставлял это чувство без объяснений. Таня, кажется, чувствовала то же самое. Через какое-то время придвинулась ближе. Их плечи соприкоснулись. Она опустила голову ему на плечо.

Как прошлой ночью. Но сегодня жест был другим. Вчера — осторожный. Сегодня — уже привычный. Денис это почувствовал. И спросил:

- Ты же говорила, что не хочешь привыкать.
- Не хочу.
- Тогда что это?
- Исключение.
- Второй раз подряд?
- Не придирайся.

Он рассмеялся.

Долго молчали.

Таня сказала:

- А если бы мы встретились не сейчас?
 - Когда?
 - Пять лет назад.
- Денис задумался.
- Было бы хуже.
 - Почему?
 - Я был другим.
 - Каким?
 - Более занятым собой.
 - Сейчас ты тоже занят собой.
 - Да, но теперь это хотя бы осознанно.

Она тихо фыркнула.

- Прогресс.
- Огромный.
- А я?
- Что ты?
- Пять лет назад.
- Я не знаю.
- Придумай.
- Не хочу.
- Почему?
- Ты настоящая интереснее моих версий.

Таня подняла голову.
Посмотрела на него долго.
— Иногда ты всё-таки говоришь красиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.